

Однажды под Рождество

Голос несчастья над городом мечется снова,
Странно, что в эти минуты, всему вопреки,
Верить в извечную помощь тихого слова,
В скорую помощь протянутой доброй руки...

/ Р. Рождественский /

Каждый год, накануне Рождества у Евдокии Иновлоцкой происходят бытовые катаклизмы. Вечером шестого января на нее падает подвесная полка, из-за безалаберности соседей с потолка начинает течь горячая вода, выходят из строя бытовые приборы, что самое неприятное это происходит с холодильником, забитым под завязку. И тогда Дуся начинает терпеливо обзванивать все фирмы по ремонту и выслушивать одно и то же: мастер изволит Вас посетить по истечении всех праздников! Не уточняя, о каких, именно, праздниках идет речь? Возможно, сюда присоединятся двадцать третье февраля и восьмое марта. А там и первое мая не за горами.

Что и говорить – любит наш народ расслабиться! А как иначе? Жизнь состоит из сплошных проблем, если не сбрасывать их с собственных плеч посредством дружного застолья, то недолго двинуться умом.

В прошлом году квартиру Евдокии посетили мелкие грызуны в многочисленном составе. По всей видимости, ошиблись адресом. Им надо было зайти к соседке, прозванной в народе Плюшкиной. Она хранит немалые запасы соли, сахара, крупяных изделий и прочей нужной продукции для выживания в период ядерной войны. Вот бы где мышатам полакомиться, а они потеряли ориентацию в пространстве и завернули к Иновлоцкой и едва не... умерли от разрыва сердца по причине ужасающего завывания, которое издала перепуганная хозяйка крупной комплекции. Всем списочным составом семейство грызунов, поддерживая особо чувствительных и престарелых, бросилось к выходу, который оно само и образовало незадолго до внедрения. Если входили они «гуськом», то выходить решили одновременно. В результате образовался затор, завывающий аккомпанемент Дуси не стал «разруливающим» элементом, напротив, нервно сказался на мышках, которые в суматохе принялись искать другой выход.

Из открытой дверцы стиральной машины, стоящей в кухне, свисал рукав белоснежной офисной блузы хозяйки дома. Стирка закончилась перед самым нашествием грызунов, Иновлоцкая успела открыть дверцу стиральной машины, но не успела выгрузить выстиранное белье, отвлеклась на странные звуки, доносившиеся из прихожей.

Мышиное семейство под предводительством вожака переместилось в кухню, углядело «канат» и стало дружно карабкаться по рукаву офисной блузки в барабан машинки.

Удивительно, но Дуся перестала завывать и на цыпочках проследовала за непрошенными гостями. Как только последняя мышка вскарабкалась по «канату», девушка звонко хлопнула дверцей, предварительно закинув в барабан рукав своей сорочки. Выражение брезгливости на лице быстро сменилось на демонический восторг. Дуська кровожадно потерла ладони и дьявольски хихикнула. Желание привести в действие стиральную машину у нее не возникло. Она любила животных, хотя, назвать мышей животными можно с большой натяжкой.

Радость от победы, в которой Иновлоцкой была отведена ведущая роль, почти сразу пошла на убыль: она поняла, что с «арестованными» грызунами надо что-то делать. Дуся видела один выход – избавиться от стиральной машины вместе с живым содержимым и вещами, участь которой была решена – надевать на себя выстиранную одежду она

никогда не решится. Евдокия пригорюнилась. Стиралку ей было не жаль – она давно хотела ее сменить на более усовершенствованную модель, но внутри барабана находился недавно приобретенный за бешеные деньги бюстгальтер цвета шампанского.

- Подумаешь, - капризно протянула девушка, - куплю себе такой же. Вот прямо сейчас пойду и куплю! – более уверенно добавила она и бросила взгляд на веселую компанию гостей, спрятавшихся в ворохе ее вещей, - а эти пусть себе сидят! Сидят и думают – надо было приходиться ко мне или не надо?!

В голосе слышалась дребезжащая угроза. Таким тоном разговаривают малоопытные преподаватели с нашкодившими учениками.

- Пусть думают, если есть, чем думать, - поникшим голосом повторила Дуся, опускаясь на табурет. – И почему все случается накануне Рождества?! Люди запекают в духовке гуся, накрывают на стол, чтобы наесться вкусностей в сочельник. А я ползаю на коленях с тряпкой или заметаю в совок разбитую посуду, которая стояла на полке, решившей обрушиться на мою голову. Хорошо, что за минуту до этого я сделала шаг назад. Будто кто-то невидимый спас меня от неминуемой смерти.

Девушка покосилась на холодильник, который в этом году не подвел – работал, как часы, издавая при этом привычные звуки. Мысли снова перенеслись к мышам, сидящим в заточении.

Нужно с кем-то посоветоваться, - подумала Дуся.

Первым на ум пришел коллега по работе - Эдуард Кузин, который чинил холодильник два года назад. Или это произошло в прошлом году, а два года назад падала полка? Дуська запуталась. Неприятности в сочельник случались с постоянной регулярностью, дневник наблюдений хозяйка не вела, но точно знала – повторений не было.

Раз она зачислила Кузина в собственную структуру МЧС, то пусть поможет и на этот раз. Евдокия «сдала задом», не желая выпускать из вида мышей, боялась, что они моментально выскочат из барабана и начнут разгуливать по квартире. В прихожей нащупала сумку, и так же на ощупь отыскала в ней мобильный телефон. Быстро вернулась в кухню, издали проверила обстановку в барабане, спокойно выдохнула и позвонила Кузину. Судя по громким голосам и фоновой музыке, коллега пребывал в гостях и не горел желанием становиться мышеловом.

- И что ты предлагаешь? – не совсем трезвым голосом спросил Эдик, выслушав историю о сообразительности грызунов.

- Я предлагаю выбросить стиральную машину, - промямлила Евдокия.

- Да ты с ума сошла! – возмутился прижимистый коллега, который мог быть дальним родственником соседке, прозванной Плюшкиной.

- Можешь забрать ее себе, - торопливо произнесла Иновлоцкая и добавила, - только вместе с мышами.

- Не вопрос! – повеселел Кузин. – Завтра же...

- Сегодня! – отрубил она.

- Дуся, - проникновенным голосом начал молодой мужчина, - ты войди в мое положение, я пришел в гости к друзьям, моя жена сейчас гостит у тещи за двести километров отсюда, - начал он терпеливо перечислять веские доводы, по которым невозможно оказать услугу Евдокии – девушке весьма привлекательной и свободной от брачных уз.

- Сегодня! Или я подарю стиралку соседке! – пригрозила Иновлоцкая, уверенная на все сто, что так не поступит. Плюшкина спокойно выпустит мышей на волю, а те вернуться к ней. Но Кузину это знать не обязательно.

- Хорошо, - трагическим голосом изрек Эдик, посопел в трубку и неожиданно повеселел. О причине веселья его коллега догадалась по следующему заявлению, которое могло стать причиной неявки в ее квартиру. - Я один с такой габаритной тяжестью не справлюсь, а тебя в помощники взять не имею права.

Кузин, действительно, был хлипким малым, в отличие от Евдокии – дородной девицы высокого роста и весом, озвучивать который она никогда не решалась.

- Я лучше скажу, сколько мне лет и какая у меня зарплата, - отвечала девушка на некорректные вопросы миниатюрных красавиц, не блещущих умом.

Возраст Иновлоцкой был критическим для вступления в брак. Еще годик, и ее будут считать старой девой. По ее собственному мнению, именно, тридцать лет - переходный период из девичества в старость. А что касается роста заработной платы, то он не превосходил по темпам рост инфляции, причем все больше и больше от нее отставал. По этой причине Евдокии было жаль купленного по баснословной цене белья цвета шампань. На него она копила несколько месяцев, отказывая себе в любимых пирожных. Новую стиральную машину можно купить в кредит, нижнее белье в кредит никто не покупает...

Вскоре прибыл расторопный Эдуард в сопровождении приятеля на видавшей виды газели, которая должна была перевести стиральную машину в гараж Кузина, а после, очищенная от грызунов, презентована его любимой теще. Экспроприированную стиралку Эдик решил выдать за лично приобретенный подарок, прошедший испытание в полевых условиях. Зять хотел «заработать очки» у тещи, с которой у него отношения не складывались. О «продажных» способностях коллеги Дуся была осведомлена: он мог впихнуть покупателям совершенно ненужную вещь. Допустим, те пришли в магазин бытовой техники за телевизором, но проходя мимо длинного ряда ноутбуков, находящихся под опекой Кузина, неожиданно вспоминали, что всю жизнь мечтали приобрести заветный «чемоданчик». Тем более у такого знающего менеджера, окружившего их вниманием и заботой. А тем временем Иновлоцкая прохаживалась вдоль рядов с подшефными плазменными и ЖК панелями и безуспешно пыталась вовлечь в разговор заторможенных покупателей.

Приятеlem Кузина оказался Пантелеймон Соловейкин - молодой мужчина среднего роста, но уже с лысой черепушкой, с черными бровями вразлет, с близко посаженными глазами, крючковатым носом и большим ртом. Все вместе выглядело вполне симпатично и привлекло внимание особы женского пола. Ростом оба приятеля едва достигали Дуске до уха, но ее сей факт не смущал.

Пантелеймона мало интересовала стиральная машинка с мышами и весьма заинтересовала зардевшаяся хозяйка.

Эдик намекнул ей на благодарность в виде «накрытой поляны», отзывчивая Иновлоцкая была готова на жертвы. Любое приготовление пищи, даже самое элементарное, вроде яичницы, она считала подвигом. Питалась в основном булочками, пирожками, тортами и пирожными, купленными в ближайшей кондитерской, а так же салатиками и полуфабрикатами из супермаркета.

С тех пор у одинокой Евдокии завязалась дружба с Соловейкиным. Дружба не спешила перерасти в любовь, но Дуся не подгоняла время, несмотря на то, что до наступления критического возраста оставалось совсем чуть-чуть...

Со дня пришествия мышей прошел год. Почти год.

В этот раз неприятности начались раньше обычного. Сразу после наступления Нового года, который Иновлоцкая встречала в полном одиночестве – Пантелеймон исправно нес службу настоящего спасателя. Он на самом деле был сотрудником Министерства Чрезвычайных Ситуаций или, проще говоря, работником Пожарной охраны.

На это раз у девушки случились проблемы глобального характера. Сначала в батареях зажурчала вода, и они стали медленно остывать. Затем отключили горячую воду. Дуся позвонила в Управляющую компанию, где ей объяснили причины – произошла авария на теплотрассе. Сроки окончания ремонта не озвучили.

Иновлоцкая немного успокоилась. Проблемы коснулись не только нее, а жителей целого микрорайона, следовательно, ремонтные работы не будут затягиваться, а она - брать на себя инициативу по поиску выхода из создавшейся ситуации.

В это время народный помощник Соловейкин «взял работу на дом» и отправился восстанавливать крышу гаража своего приятеля Кузина. Крыша пострадала во время снежных заносов.

Проникнувшаяся благодарностью к коллеге Эдику, Дуська не могла развязывать с ним холодную войну за внимание их общего друга. Она терпеливо ждала возвращения Пантюши и рассчитывала на приглашение в гости. Квартира Соловейкина находилась в другом микрорайоне, там проблем с порывом теплосети не было.

Иновлоцкая коротала время в обнимку с масляным нагревателем. Она укуталась теплым пледом, прихватив и жаркого электрического друга. Холодный воздух проникал в образовавшиеся щели, релейная регулировка температуры нагревателя не позволяла согреться полностью.

А когда в доме отключили электроэнергию, единственный друг-спаситель предательски выключил красный глазок и стал быстро остывать. Иновлоцкая перебазировалась в кухню, включила четыре газовых конфорки и пожаловалась в пустоту.

- И никому я не нужна. Холодная, голодная, - подумала и добавила, - и некрасивая.

После чего потрогала свой ледяной нос. Нос был аккуратным и дерзко вздернутым. Проверила ладонями лицо, будто холода могли сказать на нем. Особое внимание уделила наружным краям глаз, вминая невидимые мимические морщины.

- В отсутствии тепла есть свой плюс, - неожиданно выдала она, - организм стареет медленнее. Но организму необходима подпитка.

За окном сгустились сумерки. Кухня слабо освещалась голубым газовым пламенем. Внимание хозяйки было приковано к холодильнику, который временно тунеядствовал. Она попыталась по памяти восстановить, что в нем хранится и вспомнила, что снова принесла себя в жертву, ожидая прихода Соловейкина. Желая показать себя образцовой хозяйкой, Евдокия приготовила грибной суп, нажарила котлет, каждая величиной с ее ладонь, сварила гречневую кашу, испекла оладьи, а затем, узнав о переносе встречи с Пантюшей, всю еду поместила в холодильник. Сама Иновлоцкая последние месяцы обжорством не страдала, напротив, аппетит напрочь отсутствовал, и девушка похудела на пятнадцать кило.

Она уговорила себя перекусить, распахнула холодильник, выхватила кастрюлю с котлетами и быстро захлопнула дверцу, чтобы избежать проникновения внутрь теплого воздуха. Автоматизм движений отвлек от неприятных мыслей и позволил позабыть, что температура в квартире не слишком отличается от положенных плюс четырех в холодильной камере. А за окном и все минус двадцать. Если отключат газ, то ничего не останется, как разжечь костер посередине кухни и исполнить ритуальный танец окоченевшего человека. Вам такой танец не известен? Вы ошибаетесь! Сами не раз его исполняли. Это просто! Слушайте и запоминайте. Надо лихо подпрыгивать, меня очередность ног, при этом не забывать взбадривать себя увесистыми ударами кистей рук по плечам. Но для Дуськи время танца не настало. Все ее внимание занимала кастрюля с котлетами.

- Как назло нет свечей, - пробурчала она, выбирая при свете газовых горелок подошвообразную котлетенцию, отдаленно похожую на столовский шницель.

Учитывая отсутствие аппетита, знатная кулинарка выбрала котлету поменьше, положила ее на кусок хлеба и стала отчаянно жевать, приправляя еду солеными слезами.

- И даже чаю не попьешь, - прогундосила она, прожигая неприязненным взглядом электрический чайник и жалостливо хлюпая носом. В поле зрения попал некий предмет,

способный заменить чайник. – Что-то я от холода плохо соображаю. Можно нагреть воды в турке

Она так и поступила. И вскоре пила горячий чай, обхватив чашку окоченевшими ладонями.

- Жить стало лучше, жить стало веселее, - заключила Евдокия без особой радости. – Лучше бы снова вернулись мыши, - печально вздохнула она.

В этот момент в дверь призывно застучали.

- Ну, вот они и вернулись, - пробубнила хозяйка, не вставая с места. – А в прошлый раз вошли без стука.

Осторожный стук перешел в грохот, дверь едва не сорвалась с петель. Иновлоцкая дернулась и освободилась от заторможенности. Прокралась к входной двери, приложилась к ней щекой и хотела спросить «кто там?», но сильный удар заставил ее отшатнуться.

- У меня и брать нечего, - шепотом пояснила девушка, надеясь, что настойчивый гость, он же вор, передумает и уйдет.

- Дуська, ты дома? – заверещала за дверью Плюшкина, она же Акулина Филипповна Шустик.

- Тетя Куля, это Вы? – дрожащим голосом спросила Евдокия.

- Я, а то кто же!?! – возмутились за дверью.

Фраза девушке не понравилась.

- Можно подумать ко мне некому прийти, кроме Плюшкиной, - сквозь зубы возмутилась она и принялась за дверные замки.

- Ты жива? – напряженным голосом поинтересовалась соседка, будто приходилась хозяйке бедной родственницей, рассчитывавшей на улучшение жилищных условий.

- Жива! – с вызовом бросила ей Иновлоцкая, загораживая проход своим телом, похудевшим на пятнадцать килограммов.

Неумеренное обжорство хлебулочными изделиями сказалось на габаритах Плюшкиной, которая перешла в категорию супертяжей, в связи с чем соревноваться с ней было затруднительно. Она без труда проникла в прихожую, а затем, как мотылек, потянулась к свету. Стодвадцатикилограммовый мотылек растекся по табурету, не забыв прихватить котлету из раскрытой кастрюли.

- Одна, значит, - заключила она, расправляясь с котлетой и задумчиво поглядывая на кастрюлю, словно обращение адресовалось ей.

Диагноз разозлил Евдокию. Она громко хлопнула крышкой и вернула кастрюлю на положенное ей место, в холодильник.

Обладающая завидным зрением Плюшкина успела рассмотреть его содержимое.

- Ты наготовила всего, а он не сподобился прийти, - с сочувствием произнесла она.

- Придет! – буркнула хозяйка, запахивая на себе пуховый платок, подаренный пять лет назад бабушкой. Впервые подарок пригодился.

На госте была потертая куцая цигейковая шуба, на голове мужская ушанка, завязанная на кокетливый бант под мясистым подбородком, на ногах вязаные гамашы и войлочные сапоги со вставкой по переду. Подобные были у Дуси в детстве. Малинового цвета с коричневой вышивкой.

Тетя Куля походила на девочку-переростка. Не хватало лишь теплого шарфика, заботливо повязанного матерью узлом на затылке.

- Замерзли? – поспешила перевести разговор на более злободневную тему Иновлоцкая.

- Умираю от жары! - съехидничала соседка, обидевшись на холодный прием и глупый вопрос. – Это у некоторых газ полыхает, а мы - люди экономные, у нас газовые счетчики.

- Так что же теперь от холода помирать, но экономить? - передернула закутанными плечами Евдокия.

- Ничего, не помрем! И не такое переживали!

- Может, чаю хотите? – робко поинтересовалась хозяйка, не догадываясь о причине визита.

Плюшкина приходила к ней редко, чаще проводила время в компании подруг, которые ее не особенно жаловали. Была Акулина завистливой и невоздержанной в словах. Несмотря на это, одинокую женщину жалели и старались не обращать внимания на ее язвительные реплики.

- Не хочу я твоего чаю! – зло бросила Шустик. – Я пришла, чтобы... - Начала она, но смолкла на полуслове.

Хозяйка ждала, но так не узнала причины визита. Заметила прикованный к холодильнику взгляд гостьи и сказала.

- Если Вам понравились котлеты, то, пожалуйста, ешьте на здоровье.

- Не надо мне твоих котлет! Хороша ложка к обеду!

- Тетя Куля, я без задней мысли так поступила, просто подумала, что непорядок, когда кастрюля стоит на столе. – попыталась найти объяснение своему поведению хозяйка.

- Что ты ко мне прицепилась со своими невкусными котлетами! – скривилась соседка.

- Невкусными? – вскинула брови Дуся. – А мне показалось, что они бесподобные.

- Не надо себя успокаивать, - отмахнулась от нее Шустик. Потом приложила ладонь к животу и замерла, будто прислушивалась к ощущениям организма, благодарно принявшего жертвования. Толщина одежды не позволила со всей точностью оценить прохождение невкусных котлет, поэтому кисть руки с трудом просочилась в прорезь шубейки. – Кажется, у меня в желудке появились рези, - задумчиво доложила она и расслабленно откинулась на стену. При этом крупногабаритная женщина слегка поехала на табурете, едва не свалившись на пол. Но крепко стоящие на полу ноги в детских войлочных сапогах с вышивкой послужили тормозом.

- Может, дать Вам таблетку обезболивающего? – предложила обеспокоенная Евдокия, чья стряпня послужила причиной недомогания Акулины.

Гостья не удостоила ее ответом. На лице повисла напряженная работа мысли, что ей было несвойственно. Семидесятилетняя пенсионерка «рубилась правду-матку», не раздумывая.

- Так это ты его отравила? – наконец, выдала она.

Зловещее заявление и страшная гримаса на лице, подсвечиваемая синим пламенем газа, так напугали Иновлоцкую, что она едва не растянулась на полу кухни. До этого она не садилась, надеясь на недолгие переговоры с Шустик, теперь ей пришлось упасть на табурет.

Дуся прокашлялась и хриплым голосом спросила.

- Кого... я... отравила?

- Своего парня! Я забыла его имя.

- Пантелеймона? – задохнулась от догадки девушка.

- Пантелеймона или саксофона мне без разницы, - ехидно заметила Акулина и не преминула добавить, - можно подумать, к тебе мужики табунами ходят!

- А-а-а! – заверещала Дуська почти так же, как год назад, когда в ее квартиру заявили грызуны.

Она представила безжизненное тело молодого человека, а рядом записку, в которой он успел указать фамилию возможного отравителя, и склонившуюся в поклоне Шустик, успевшую первой прийти на квартиру погибшего. А теперь заявила к преступнице, чтобы на себе проверить блюда, приготовленные ею. А с какой стати зловредной Акулине жертвовать собой ради торжества правосудия? – подумала девушка и перестала завывать.

– И что я себе напридумала?! Ну, ладно бы, не знала эту змею, которая жалит всех без разбора, а то знаю и почему-то верю на слово. То, что змея Куля не знает местожительства Соловейкина, лишь подтвердило ее догадку.

Евдокия одарила соседку-обвинительницу презрительным взглядом и заметила.

- Вам, Акулина Филипповна, в наступившем году будет сопутствовать удача.

Гостья настороженно затаилась, ожидая подвоха – весь вид Дуськи намекал, что за этим высказыванием последуют нелицеприятное пояснение. Так и вышло.

- Год змеи – Ваш год! – восторженно сказала Иновлоцкая.

Замеченная в красноречии, но не в сообразительности, Шустик парировала.

- Я родилась в год лошади! – заметила недоумение на лице соседки и повторила, - я – лошадь!

Дуся оценила пенсионерку придирчивым взглядом, не нашла внешних соответствий с парнокопытным, чей образ радовал глаз, и осталась при своем мнении, выдав предположение.

- У Вас в паспорте неправильно указан год рождения.

- Кто тебе такое наболтал? – вскинулась пожилая женщина, а Иновлоцкая предположила, что здесь «пахнет» подделкой документов.

Но дальше предположений дело не пошло. Плюшкина перескочила на повторные обвинения в адрес Евдокии.

- Ты, Дуська, не юли! Признавайся: убила своего саксофона или нет?!

- С чего Вы взяли, что я отравила своего любимого мужчину? – поинтересовалась девушка, сделав ударение на «любимом». Она с гордым видом вздернула подбородок и предупреждающе побарабанила ухоженными ноготками по кухонному столу.

- Отравила! – настойчиво повторила соседка, не удостоившись предъявить доказательства.

- Я? – с угрозой в голосе уточнила Дуська, изволила встать со стула и нависла над Шустик своим похудевшим тельцем.

Тетка Куля вспомнила про жжение в желудке и закатила глаза, намекая на страшные мучения перед отходом.

- Ну? – еще более грозно призвала к ответу Евдокия.

Пенсионерка приоткрыла один глаз, блеснувший недобрый светом в полутемноте кухни, и монотонным голосом медиума, вещающим о будущем, изрекла.

- Твой Панте... Панте... - имя не выговаривалось.

- Пан-те-лей-мон, - по слогам сказала Иновлоцкая. Ей впервые за истекшие сутки стало жарко, все тело горело, словно его усердно натерли наждачной бумагой. Она распахнула на себе пуховый платок, зажав концы руками, и стала нервно обмахиваться. При этом напонила птицу, которая собралась взлететь, но перед этим клюнуть насолившую ей особу в шубейке.

Шустик повторила попытку потери сознания, но она снова оказалась неудачной.

- Акулина Филипповна! – взвыла Евдокия и уже хотела перейти к физическим воздействиям, но гостья снизошла.

- Он лежит между третьим и вторым этажом.

Кто лежит, девушка уточнять не стала, чтобы Куля не забуксовала, она задала наводящий вопрос.

- Где, именно, он лежит?

- В нашем подъезде! – ответила пенсионерка, удивляясь недогадливости соседки.

Дуська не сорвалась с места. Она медленно «переваривала» полученную информацию, надеясь, что злобредная Филипповна сочиняет на ходу из мести и из зависти.

- А Вы лично видели Пантелеймона?

- Если бы не видела, то не говорила! - с обидой заметила гостья и поджала губы.

- Вы могли обознаться, в подъезде темно, - продолжала настаивать Иновлоцкая, упустив из вида недавно прозвучавшие намеки на неоправданные ожидания кавалера.

- Я не глупая, чтобы по темноте шляться без фонаря! – с вызовом сказал она и показала старый фонарик, извлеченный из кармана шубы. Для пушей убедительности она продемонстрировала работу переключателя.

Дуське надоел бесплодный разговор. Она ловко выхватила фонарик и вылетела из квартиры со скоростью ракеты земля-земля, которую навели на вражескую цель. С тормозной системой у ракеты были явные проблемы – едва не произошла авария, когда она натолкнулась на мирно лежащее между этажами тело. Тело покоилось на боку, и было отвернуто от Иновлоцкой. Для начала она изучила мужскую фигуру с помощью направленного прожектора. Обычная куртка «Аляска», темные брюки, теплые ботинки. На голову наброшен капюшон. Она изловчилась и направила луч фонаря на лицо. Но оно было прикрыто вязаной черной шапочкой до самых губ. Губы показались Евдокии знакомыми. На головном уборе, в районе носа, виднелся иней, что дало ей право предположить, что мужчина жив и находится без сознания. Прежде чем звонить в неотложку, девушка решила на оказание первой помощи. И не важно, кто это – незнакомец или Пантелемон Соловейкин. Лучше пусть будет незнакомцем. Она еще ниже склонилась над лежащим мужчиной, освещая его желтым светом старого фонаря. И так увлеклась осторожным стягиванием шапки, что не услышала шаркающих шагов по подъезду, погруженному во тьму. Человек остановился в непосредственной близости и придушенным шепотом спросил.

- Это ты его замочила?

Иновлоцкая резко дернулась и нанесла головой стоящему сзади мужчине сильный удар в челюсть. Он взвыл и схватился рукой за травмированное место. В другой руке он держал крупный ананас подобно тому, как держали русские цари скипетр.

Привыкшая к завыванию в стрессовой ситуации Евдокия, не стала себе изменять. Дуэт вышел коротким по долготе и внушительным по звучанию. Разворот на сто восемьдесят градусов и освещение вновь прибывшего субъекта конусообразным светом позволили оборвать дуэтное пение на высокой ноте. Евдокии стало неловко перед потенциальным женихом за свое поведение, а Пантелеймону Соловейкину - за неспособность сдерживать эмоции при получении физических увечий.

- Это ты? – дрожащим голосом спросила девушка.

- Я, - сразу согласился молодой человек, массируя челюсть.

- А... это тогда кто? – задала она резонный вопрос, поворачивая фонарик на человека, лежащего на холодном полу в позе эмбриона.

- Ты у меня спрашиваешь? – удивился Соловейкин. – Сама «замочила» и не поинтересовалась, кто перед тобой?

- Пантюша, ты сейчас шутишь или правду говоришь?

- Шучу, конечно, но думаю, мой юмор неуместен, - поздно смекнул он.

- Ты бы посидел в холоде, я бы посмотрела как бы ты острил! - понуро заметила Дуся и вернулась к эмбриону.

- Давай я тебе помогу, - попытался замять свою оплошность Соловейкин, мягко отстраняя девушку от лежащего тела и обменивая фонарь на ананас.

Евдокия автоматически его взяла и принялась. Про полученное удовольствие она умолчала. Между тем ее жених грубо стянул вязаную шапку с головы мужчины, потянув за самый верх. Осветил лицо и произнес.

- Где-то я его видел.

Обладающая отличным обонянием Иновлоцкая втянула в себя подъездный воздух и закашлялась.

- Так он мертвецки пьян! – быстро поставила она диагноз, еще не понимая, о ком идет речь. Уже после этого девушка принялась изучать лицо «усталого» путника, который не смог преодолеть несколько лестничных проемов и не дошел до порога собственной квартиры. – Ой, это Вадик Петров, мой сосед! – радостно воскликнула девушка.

- Точно! Это твой сосед! Я его видел пару раз. Но в подобном состоянии ни разу.

- От Вадика недавно ушла жена.- торопливо вставила реплику в защиту соседа Дуся. – Вот он и стал заливать горе. А до этого ни-ни, в рот не брал спиртного.

- А почему же жена ушла? – заинтересовался Пантелеймон, подозрительно поглядывая на Евдокию, словно все жители подъезда создавали себе жизненные трудности и находили утешение в подобном утешении.

- Сказала, что разлюбила! – гневно высказалась девушка. – Можно подумать, она Вадьку раньше любила... А что это мы разговоры разговариваем, когда человек лежит на ледяном полу и может заболеть!? – воскликнула она и попыталась приподнять Петрова.

Теперь Пантелеймон обменял соседа на его шапку и фонарь, взвалил «мертвое» тело на плечо и предложил девушке освещать путь. Дуська мысленно восхитилась силой Соловейкина и посеменила впереди. Они преодолели третий, четвертый этаж и остановились на пятом, где жили Петров, Плюшкина-Шустик и Иновлоцкая.

- Ты приткни Вадика к стене, а я попытаюсь найти в его карманах ключи от квартиры, – попросила девушка.

В этот момент ее собственная дверь распахнулась, и показалась грузная фигура Акулины Филипповны.

- Сама ты, Дуська, змея! - ранее озвученный намек привел к запоздалому ответному нападению.

Плюшкина не могла рассмотреть в пляшущем свете фонаря двух мужчин, один из которых выглядел, как кукла, набитая ватой. Женщина осталась верна первоначальному обвинению и на всякий случай напомнила.

- Ей человека отравить, что мне плюнуть!

- Тетка Куля, шли бы Вы... к себе, - сквозь зубы посоветовала Иновлоцкая, копаясь в карманах куртки Петрова.

- Так она еще и над трупами куражиться! – задохнулась от возмущения Плюшкина. – Так вот, почему ты его отравила! – заверещала она, - хотела его добром пожить! Сначала тебя кто-то спугнул...

- Уйдите! – грозно приказала девушка, не поворачивая головы и продолжая свое темное дело.

- Отдай фонарь! – рявкнула соседка.

- Отдай ей фонарь, - сказал Пантелеймон, уперся плечом в обмякшее тело и попытался найти в своей куртке более современный светодиодный осветительный прибор.

Евдокия выполнила требование. Акулина сначала осветила лицо Соловейкина, вздрогнула, потом перешла на полуживого Вадика.

- Опять нажрался, - зло бросила она и исчезла в своей квартире, не дождавшись нападок в предумышленном обвинении.

Вскоре квартира Петрова была вскрыта, а он сам уложен на диван и накрыт двумя одеялами.

После чего молодые люди переместились к Иновлоцкой.

- Ну и холодина, - протянул Пантелеймон и обнял девушку за плечи.

А она подумала: если для перехода от дружеского общения к более близкому надо просидеть несколько дней в вечной мерзлоте, то я согласна на такие жертвы.

Но жених не предоставил ей возможность остаться в вечной мерзлоте.

- Собирайся! Мы сейчас же отправляемся к моему деду! Я забежал к тебе на минуту, чтобы предупредить, что еду в деревню. Он давно просил помочь по хозяйству, а у меня

все времени не было. Откладывать поездку я больше не могу, и не могу оставить тебя одну!

Дуська представила бревенчатый домик, русскую печь, чай из дымящегося самовара, потерлась носом о макушку Соловейкина и томно вздохнула.

- Давай, давай, собирайся, - поторопил ее Пантелеймон, - а то мы здесь околеем! Надеюсь, когда через пару дней мы вернемся, у тебя будет и свет, и тепло.

- Потолок ледяной, дверь скрипучая,- затинула девушка и притопнула ногой.

Жених вручил ей фонарь и подтолкнул в сторону комнаты. Продолжение известной песни он слышал издали.

Стряпню Дуси они решили взять с собой – не пропадать же добру. Выключили четыре газовых конфорки, взяли сумки, закрыли дверь на замок и двинулись в путь.

Автомобиль Соловейкина был припаркован у подъезда. Евдокия забралась в салон. Теплый воздух окутал ее, она расслабилась и задремала.

Ей снилась избушка на опушке леса, на завалинке сидел одинокий старик и печально смотрел себе под ноги, где некогда стояла привычная вещь. Девушка подумала о разбитом корыте, оглянулась в его поисках, но не нашла ничего подходящего. Действительно, зачем хранить ненужное добро, если приедет спасатель Пантелеймон, он же внук, и привезет новую лохань для стирки белья и сам выстирает белье. Или привлечет Иновлоцкую... А она-то решила, что ее везут на смотрины...

Вкрадчивый мужской голос у самого уха прервал глубокую короткую дрему.

- Дусенька, мы приехали. Ну, проснись ты, наконец!

Она разлепила тяжелые веки, очумело осмотрелась, сладко зевнула и спросила.

- Мы где?

- В деревне!

- Деревня, где скучал Евгений, была прелестный уголок! Там друг невинных наслаждений...

- Какой еще Евгений? – недоуменно перебил ее Соловейкин.

- Уже никакой, - промямлила девушка и впервые подумала, что они с Пантелеймоном «не два сапога пара». И не потому, что он не знаком с поэзией классика. Увы, молодой человек достиг определенного уровня и не склонен к самосовершенствованию. А уровень этот остановился на этапе седьмого класса, «Онегина» в школе изучают в восьмом. О чем Соловейкин будет рассказывать своим детям? И найдет ли ответы на простые вопросы: почему дует ветер и почему трава зеленая? Дуська его не осуждает. Соловейкин – добрый и отзывчивый человек, но их общение ограничивается пересказом происшествий на работе, бытовых проблем приятелей, которые с легкостью решает друг «по вызову», а также рассказами о посиделках с пивом, как знак благодарности за ударный труд.

Душевность и доброта это важные человеческие качества, - мысленно внушила себе Иновлоцкая и постаралась не развивать тему, чтобы окончательно не разочароваться в потенциальном женихе. Тем более, он давно стоял у распахнутой двери автомобиля и ждал, когда она покинет салон. Подать руку он не удосужился, но Евдокия не трепетная барышня, она сама справится. Вышла и обмерла: а терем-то двухэтажный! А на пороге стоит... весьма привлекательный мужчина лет сорока. С длинными волнистыми волосами до плеч, с благородным лицом и с насмешливым взором. Девушка стушевалась под его взглядом, ожидая искрометной шутки. Но мужчина молчал и с места не сходил. Несмотря на стужу, он был в одной футболке, джинсах и шлепанцах, но от холода почему-то не ежился.

Дуся не успела спросить у Пантюши, кто это такой. Жених взял ее за руку и повел к дому.

- Привет, Валерка, - поздоровался он, – познакомься, это Евдокия, моя хорошая знакомая.

- Здравствуйте, - строгим голосом произнесла девушка и вопросительно посмотрела на приятеля, который забыл представить ей длинноволосого мужчину.

Мужчина, наконец, изволил сделать шаг навстречу, пристально изучил девушку, словно осмысливал – достойна она знакомства с ним или нет. Неизвестно, какие мысли посетили его голову, но он удостоил ее чести назваться Валерием Кирилловичем Плотниковым, причем прошептал на ухо, будто подобное вслух произносить не полагалось. Близость красивого мужчины заставила Иновлоцкую покрыться румянцем подобно матрешке. Она вовремя сообразила, что выглядит глупо, и попыталась скрыться за хрупким телом Соловейкина. Но защита ее не спасла – румяное лицо красовалось над макушкой приятеля. Тогда она не нашла ничего лучше, как найти себе занятие. Ближе всего находилась блестящая лысина Пантюши, она любовно погладила ее двумя руками, мысленно разделяя на пробор, затем звонко чмокнула, оставив сиреневый отпечаток. Полюбовалась на след помады, склонив голову на бок, осталась недовольна результатом и тщательно вытерла отпечаток ладонью. Безропотно принявший эмоциональный всплеск Дуси Соловейкин втянул голову в шею и извиняюще улыбнулся. Валерий Кириллович не издал ни звука, будто был частично немым человеком, который пока выучился произносить лишь свое имя, причем придушенным шепотом. Евдокию заинтересовало молчание мужчины. Объяснение нашлось быстро – при такой неординарной внешности человек обязан иметь недостаток. Для проверки своей теории она решила продолжить светский разговор на пороге двухэтажного терема.

- Не правда ли, прекрасная погода? – настороженно спросила девушка, выдвигаясь из-за спины приятеля. При этом она красиво, по ее мнению, провела правой рукой, намекая на местные красоты, обступившие их стеной, или на скорый танец, который последует за прелюдией. Пантелеймон заморожено проследил за движением, даже изогнулся при этом, а господин Плотников дернул головой. Согласился или нет, осталось загадкой.

Дуська упустила из вида, что серое туманное небо почти достигло уровня земли и начало поедать снег, оставляя на нем грязные укусы. Температура резко пошла вверх, стало сыро, зябко и противно.

Соловейкин впервые видел в подобном состоянии Иновлоцкую. При первом знакомстве, когда к ней в квартиру нагрянули мыши, она была напугана, но говорила нормальным языком. Сейчас ее речь была механической. Он не хотел, чтобы о Евдокии сложилось неправильное мнение, поэтому решил вмешаться.

- Извини, что задержался. Раньше никак не мог вырваться... Я смотрю, ты сам очистил двор от снега! – с восхищением добавил он, словно стоящий перед ним крепкий мужчина с руками и ногами совершил подвиг. Потом перевел взгляд на ровную поленницу дров под крышей и с меньшим восторгом заметил, - и дров нарубил! Ай, молодец!

Валерий Кириллович при этих словах самодовольно хмыкнул, а Евдокия убедилась, что он нем, но не глух. Желая блеснуть красноречием, она хотела процитировать что-нибудь из классической поэзии и уже пару раз кашлянула для привлечения к себе внимания, но приятель почувствовал неладное и с сомнением в голосе пробормотал, обращаясь одновременно к Плотникову и Иновлоцкой.

- Ну, если все дела переделаны, то нам, наверное, пора возвращаться в город.

Бытовые неурядицы последних дней живо встали перед глазами Дуси. Она затрясла головой и жалобно протянула, забыв о предыдущем желании.

- Я не хочу в город, там холодно.

Валерий поозирался по сторонам, проверяя, не наступило ли лето в отдельной местности. Не наступило. Это подтвердили замерзшие пальцы ног, пришедшие в волнообразное шевеление.

Гостья уловила движение и задумалась о новом способе изъяснения. А почему, нет? Если кисти рук не действуют, то пальцы ног приходят им на помощь. Интересно, что сказал

этот привлекательный мужчина? Немой и с парализованными руками. И тут Дуську осенило. У Плотникова был инсульт! Речь отнялась и пока не восстановилась. Подвижность рукам возвращается медленно, и поэтому Пантюша восторгался его работой по очистке снега... Снег еще понятно, но рубка дров. Это тяжелый физический труд, не всякому здоровому под силу.

Она снова перевела взгляд на босые ноги в шлепанцах. Пальцы нервно отбивали дробь, по-братски соединившись друг с другом.

Это не приглашение в дом, - догадалась девушка. – Это намек, что мы ему надоели и нам пора уезжать.

Возвращаться в холодную квартиру Иновлоцкой не хотелось.

О чем говорят с больным человеком. Интересуются его здоровьем. Ему приятно, что кто-то готов его выслушать.

Мало разбирающаяся в языке жестов гостя уцепилась за последнюю надежду.

- Валерий Кириллович, как вы себя чувствуете? Давление сегодня измеряли? А температуру? – при этом она не сводила глаз с ног хозяина.

Пальцы возмущенно побелели.

Все равно не уеду, - мысленно решила Евдокия и вспомнила про дедушку. – И чего это я распинаюсь перед этим высокомерным красавцем, если настоящим хозяином в доме является дед Пантюши?.. А этот Валерий приходится ему внуком, как и Соловейкин. Значит, они здесь на равных правах. Надо только проникнуть в дом и познакомиться с дедулей.

Иновлоцкая повернулась к приятелю, поиграла бровями, выказывая недовольство и нетерпение, и перевела торжествующий взгляд на Плотникова. Пальцы ног ее больше не интересовали, она сосредоточилась на лице и осознала, что между двумя мужчинами не может быть родственной связи. Они полные антиподы! Произносишь любое прилагательное, которое относится к одному из них, и сразу рождается антоним, свойственный другому. Высокий - низкий, красивый – непривлекательный (назвать Пантелеймона страшеньким Дуся не могла, он был красив душой, чего не скажешь о Валерии, о котором у нее успело сложиться негативное мнение). Что еще? Молчаливый - болтливый, умный - глупый и т.д.

От сопоставлений ее отвлек голос Соловейкина.

- Дусенька, нам пора!

- Я хочу познакомиться с дедушкой! – твердо заявила она о своих намерениях. Об уступках не могло быть и речи.

- Так ты с ним уже... познакомилась, - пробормотал Пантелеймон, зыря в сторону Валерия.

Евдокия попыталась заглянуть тому за спину, выискивая сгорбленного крошечного старичка. Она освободилась от хватки приятеля, «нарезала» пару кругов вокруг Плотникова, успела заметить отсутствие переносного рюкзака, в котором должен сидеть немощный дедок и вернулась на свое место совершенно поверженной.

Придется возвращаться, - мелькнула в ее голове печальная мысль. – Не брать же дом штурмом?!

Но желание встретиться с дедулей намертво засело в ней.

- Пантюша, ты что-то путаешь, я с твоим дедушкой не знакомилась - с некоторой робостью заметила она.

- Тогда позволь тебе еще раз представить Валерия Кирилловича Плотникова, - членораздельно произнес Соловейкин.

Кивавшая доселе Дуся, подтверждавшая каждое сказанное слово, внезапно замерла, исподлобья взглянула на хозяина, не решаясь опустить глаза на его босые ноги.

- Ты меня за дуру держишь? – возмутилась она, - а ну-ка признавайся, кем тебе приходится этот человек?

- Д... дедушкой, - слегка заикаясь, повторил он и отошел от нее на пару шагов.

- ЭТОМУ человеку не больше сорока лет! – презрительно заметила девушка, словно считала унижительным сам факт остановки на четвертом десятке. Она приблизилась вплотную к Валерию и сильно постучала по его груди скрюченным указательным пальцем, будто это была не грудь, а входная дверь. Мужчина непроизвольно поскреб ногтями по потревоженному месту и перевел взгляд на внука, ожидая его ответа на реплику гостыи. Но гостыя не предоставила возможности вмешаться. – Тебе напомнить, мой дорогой Пантелеймон, какую дату мы праздновали совсем недавно?

- Новый год! – со счастливой улыбкой произнес Соловейкин, а Дуся подумала, что праздник у него удался, в отличие от нее.

Она ждала, верила, а он... развлекался на стороне. Что из этого следует? Что Пантюша считает себя свободным мужчиной, который ведет себя соответственно. А она-то возомнила...

Сказать правду – не возомнила, потому и выискивала несоответствия. Когда отношения зайдут в тупик, она скажет: Соловейкин, конечно, добрый, хороший, но я его не люблю. Нам и поговорить не о чем. И уйдет первой. А он не побежит за ней. Ему все равно – есть она или нет. Он отправится к друзьям, которым нужна его помощь.

Приятель сообразил, что сказал что-то не то.

- А до Нового года было католическое Рождество, - брякнул он. Его глаза затуманились, губы тронула мимолетная улыбка. Судя по всему, и этот праздник удался и снова без участия терпеливой Иновлоцкой.

- Очень интересно! – нахмурилась она, окончательно убеждаясь в лживости Соловейкина.

Не может так вдохновить человека воспоминание об оказанной кому-то услуге. Девушка решила удалиться с гордым видом, но желание установить родственную связь между Валерием и Пантелеймоном перевесило.

- Я имела в виду твой тридцатый день рождения, который мы отметили вдвоем. Это было в ноябре.

Азартно потирающий собственное горло Плотников мало реагировал на диалог гостей, надобность в которых давно отпала. Но последнее заявление девушки заставило прервать массаж и недоуменно взглянуть на внука.

- Дусечка, ты что-то путаешь, - засюсюкал Пантелеймон, - у меня день рождения в июне.

- Значит, в июне ты отмечаешь его с близкими друзьями, которые знают точное число, а когда вздумается, с людьми, которые не заглядывали в твой паспорт. Здорово придумано! Кто не хочет услышать трогательную речь в свой адрес и получить подарок.

- Дуся, а ты не подумала, что у меня на то были свои причины? – начал оправдываться Соловейкин.

- И какие же, позвольте узнать?

- Я ждал... ждал... что ты... мне... признаешься... Понимаешь, я первый не могу... Приурочишь, так сказать, к подарку.

- Я ничего не понимаю, - помедлив, хмуро высказалась девушка, которая догадалась обо всем. Значит, трепаться о чем-угодно он может часами, а признаться в любви у него духу не хватает, - подумала она, а вслух заявила, – давай вернемся к твоему молодому дедушке. Меня шокирует разница в десять лет с горячо любимым внуком... Хотя, что я говорю! Горячо любимого внука на пороге не держат! Тебя используют как рабсилу, а если рабсила не нужна, то и за стол приглашать не надо!

Валерий спохватился, указал рукой на дом, а сам быстро поднялся по ступенькам и гостеприимно распахнул дверь.

Дуська осмыслила его поведение. Руки у дедули действуют, в дом не приглашал по несообразительности, а немота настоящая.

Пантелеймон подхватил ее под руку и повел к дому. На ходу он стал сбивчиво объяснять.

- Валерий мне не родной дедушка, он муж моей бабушки Лизы, которая была двоюродной сестрой моей родной бабушки Светы. У них была большая разница в возрасте, лет двадцать, не меньше. Лиза была очень красивой женщиной, она несколько раз выходила замуж, но все неудачно. Последним ее мужем был Валера. Он моложе ее на пятнадцать лет. Они очень любили друг друга, но два года назад Лиза умерла. Плотников продал две городские квартиры и купил этот дом. Решил уединиться.

- И у него на нервной почве пропал голос, - догадалась Евдокия.

- С чего ты взяла, что у него пропал голос? – удивился Соловейкин.

- Так за все время он не произнес ни слова, не считая шепота на ухо.

- Да? А я и не заметил.

- Хорош внучек, - вяло отозвалась девушка. И еще раз убедилась в странном эгоизме приятеля. Он слышит только то, что хочет слышать, а помощь друзьям можно оценить, как способ очередной раз заявить о себе или как способ развлечься. Есть категория людей, которые делаю все, что угодно лишь бы дома не сидеть. Прийти в гости без приглашения им робость не позволяет, а тут повод. – Но почему Валерий Кириллович все время изъяснялся жестами? Нашел силы шепотом назвать себя и все – смолк окончательно.

- Сейчас мы узнаем причину, - уверенно произнес Пантелеймон, закрывая за собой и Евдокией входную дверь.

От двери тянулся длинный коридор, который упирался в лестницу, ведущую на второй этаж. По обеим сторонам коридора имелось по паре дверей. Приятель помог девушке раздеться, она двинулась по коридору, выискивая испарившегося хозяина. Она увидела его в одной из комнат, судя по обстановке это был рабочий кабинет. Когда Дуся впервые увидела «дедушку» Соловейкина, она подумала, что он художник, сейчас приятель успел ей шепнуть, что Плотников – писатель. Он пишет романы о любви.

- О любви? – задуманным шепотом повторила девушка, изучая профиль хозяина, пальцы которого ловко бегали по клавиатуре. – Наверное, он погружен в работу, а мы мешаем.

Пантюша не успел ответить. Валерий резко поднялся с места, схватил в руки ноутбук, потом передумал, вернул его на место и взмахом руки пригласил гостей подойти. На экране был напечатан длинный текст. Евдокия подумала, что автор желает узнать ее мнение, но ошиблась. Оказывается, Плотников пытался в письменной форме объяснить свое молчание. Утром он проснулся и почувствовал боль в горле. Глотать больно, говорить трудно, знобит, работа не идет. Тогда он решил согреться физическим трудом. Для начал очистил от снега двор, затем взялся за топор. В результате заработал кровавые мозоли, но разогрелся так, что пар от спины валил. Поразмышлял и придумал: надо принять холодный душ. Принял и окончательно потерял голос. Надо погружать организм в стрессовую ситуацию! Теперь настал черед теплового воздействия! – пришла в голову писателя очередная разумная мысль. Он отправился в сауну, расположенную в доме. Голос слегка прорезался, но горло стало болеть еще сильнее. Испытания продолжались. Теперь надо перейти к охлаждающим процедурам. Только Валерий хотел вновь встать под ледяные струи душа, как приехали гости. Откладывать контрастную процедуру было нельзя, но и гостей надо было встретить. Он решил совместить вежливость и собственное желание, поэтому вышел во двор налегке. Успел познакомиться с Иновлоцкой, после чего голос окончательно пропал. Но он терпел и испытывал организм на прочность. Горло обернули колючей проволокой, а он терпел. Глаза плохо видели, голова плохо соображала, а он терпел. Пока до него не прорвался голос Дуси, которая намекала на невежливость хозяина.

- Вы с ума сошли! – задыхнулась от возмущения девушка. – Так можно долечиться до пневмонии! Быстро несите все имеющиеся в доме лекарства! И ты, Пантюша, тащи аптечку из машины.

Забота о родственнике не понравилась Соловейкину. Он не спешил выполнять приказ девушки, напротив, вступил с ней в ненужную полемику.

- С чего ты взяла, что можешь оказывать медицинскую помощь? Вдруг Валерке станет хуже, ведь ты не врач?

- Очередной раз убедилась в твоём плохом слухе! – недовольно поцедила она.

- У меня хороший слух!

- Скажем так – он своеобразный! Ты слышишь только то, что хочешь слышать... А еще намекал о чувствах. Боишься признаться? Ничего ты не боишься! Просто захотелось разнообразия. Просьбы и благодарности в свой адрес наскучили, а в любви-то никто не объяснялся. Или объяснялся, да ты не услышал, был занят своими мыслями. А когда мужчина влюблен, он ловит каждое слово любимой.

- Он наслаждается звучанием ее голоса, поэтому и не вникает в смысл.

- А зачем ему вникать, если рассказ женщины не имеет к нему отношения. Подумаешь, воспоминания о прошлом!

- Не улавливаю связи между твоим лирическим отступлением и болезнью деда.

- Не называй его дедом! – возмутилась она, - Он молод, красив, обаятелен...

- Не чета мне, - перебил ее Пантелеймон.

Дуся не обратила внимания на его реплику.

- Если бы ты меня внимательно слушал, то УСЛЫШАЛ, что я почти три года отучилась в медицинском, а потом бросила. Так и не смогла переступить через собственный страх. Я, вообще, трусиха по жизни. Боюсь крови, мышей, больших ночных бабочек. Боюсь жестоких людей и не выношу безразличия... Так что беги за аптечкой. Попытаюсь поставить на ноги Валерия Кирилловича.

Мужчины ушли, а Евдокия устало опустилась на небольшой удобный диван. В доме было зябко, и она поежилась. Как бы самой не подхватить пневмонию, - подумала девушка.

Вдруг по дому разнеслись настойчивые переливы. Сначала она решила, что кто-то играет на пианино. Звуки монотонно повторялись, и Дуся подумала о неопытности музыканта. Вслед за сбивчивой игрой раздались громкие удары, будто кто-то молотком забивал гвоздь в стену.

Иновлоцкая дернулась и... очнулась.

Она поняла, что лежит на полу у распахнутого холодильника и дрожит от холода.

Сознание медленно возвращалось. До нее дошло, что звонки в дверь сменились на громкий стук. Девушка с трудом села, придерживаясь за дверцу холодильника, потеряла рукой саднящий затылок, затем медленно поднялась и потелепала в прихожую.

На пороге стоял обеспокоенный мужчина, за его спиной маячила вездесущая Плюшкина.

- Извините, - бодрым голосом поприветствовал он хозяйку, нагло отодвинул ее в сторону и проследовал в кухню.

Дусяка двинулась за ним, соседка не заставила себя упрашивать и присоединилась к немногочисленной процессии. Мужик отдернул тюлевую занавеску и распахнул окно. И тут же в его руках оказалась маленькая обезьянка в красном матерчатом колпаке с приделанными к нему двумя блондинистыми косами, перетянутыми на концах кокетливыми бантиками. Зверюшка обхватила его за шею и стала весело верещать.

Иновлоцкая с силой потеряла виски. Память медленно возвращалась к ней.

Она вернулась домой в начале шестого. На город опустились ранние сумерки. Весь день лил дождь, смывая остатки новогоднего снега. Дуся вымыла руки, переоделась и пошла в кухню. Открыла холодильник и стала изучать его содержимое. Неожиданно за

окном слышались странные звуки. Девушка решила, что на улице резко похолодало, и на смену дождю с неба посыпалась колкая крупа. Холодильник стоял у окна, ей не составило труда проверить свое предположение. Когда Евдокия отодвинула гардину, то сначала обомлела, увидев на карнизе некое мохнатое существо неопределенного рода в красном колпаке с выпученными глазами, подумала о повторяющихся сюрпризах в сочельник и потеряла сознание.

Первое, что она сделала после восстановления памяти, резко захлопнула дверцу холодильника, а уж потом касанием руки проверила температуру батареи, переместилась к мойке и убедилась в наличии холодной и горячей воды.

- А что у нас в районе не было аварии? – с недоумением спросила она у Плюшкиной, проигнорировав незнакомца, который, скорее всего, не мог быть осведомлен в проблемах их дома.

- Не было, - замотала головой соседка, внимательно изучила ее лицо и тихо добавила, - замуж тебе надо, Дуська.

Та не удостоила ее ответом и перевела взгляд на братающуюся парочку. Мужчина заметил внимание и стал извиняться.

- Вы простите, что я к вам нагрязнул. У меня Милка пропала, - при этом он ласково погладил обезьянку по голове, и Евдокия догадалась, что это и есть та самая пропащая Милка. – Я недавно купил квартиру под Вами, на днях переехал и решил отметить новоселье. Приятель курил на кухне у раскрытого окна и не заметил, как обезьянка выскользнула. Мы сразу заметили пропажу и отправились ее искать. Думали, что она спустилась по водосточной трубе и гуляет во дворе. Но во дворе Милки не оказалось. Мы проверили окрестности и не обнаружили мою красавицу. А когда подошли к дому, я поднял глаза вверх и увидел в освещенном оконном проеме знакомый силуэт. Милка сидела на вашем карнизе.

- А если бы меня не было дома? – недовольно поинтересовалась Иновлоцкая.

- Наверное, пришлось бы вызывать спасателей. – с извинительной улыбкой ответил он.

В это время в дверь позвонили. На пороге стоял спасатель собственной персоной с ананасом в руках.

- Привет, - сказал Пантелеймон, чмокнул Евдокию в щеку и вручил презент.

- Скажи, у тебя есть в деревне дедушка, которого зовут Валерий Кириллович Плотников.

- Не-е-ет, - без раздумий протянул Соловейкин и странно покосился на девушку.

В разговор вмешалась Акулина Филипповна.

- Так кличут нашего нового соседа, - доложила она и ткнула пальцем в мужчину с обезьянкой. – Я же тебе рассказывала.

- Когда?

- Может, час назад, может, два... Мы с тобой на пороге встретились, еще обсудили Вадика Петрова, к которому вернулась жена, потом я тебе рассказала о Валерии Кирилловиче. Он работает хирургом в больнице скорой помощи.

- А я думала, что он дрессировщик, - съязвила Евдокия.

- Если Вы имеете в виду Милку, то она живет у меня временно. Новый муж моей бывшей супруги подарил ее моей дочери на день рождения. Сейчас они уехали на новогодние каникулы в Австрию, а меня попросили присмотреть за обезьянкой.

- Так Вы разведены! - с радостной улыбкой произнесла Плюшкина-Шустик, намекающее посмотрела на молодую соседку, перевела взгляд на Пантелеймона и недовольно поджала губы. Весь ее вид говорил, что Дуська зря теряет с ним время.

Только теперь Иновлоцкая рассмотрела нового соседа. Он был очень похож на деда Соловейкина, который ей привиделся в состоянии обморока.

- Евдокия, Вы бледны и едва держитесь на ногах, - заботливым голосом сказал хирург. – Я сейчас отнесу Милку домой и вернусь, а Вам лучше прилечь.

- Я тоже, пожалуй, пойду, - промямлил Пантюша, - я забежал на минуту, меня ждет приятель, у него машина барахлит.

- Если барахлит, пусть отбуксирует ее в сервис, - задумчиво произнесла Дуся и подумала без особого расстройствa: машина приятеля ему дороже, чем я. Чужой человек заметил недомогание, сейчас вернется и станет выводить меня из шокового состояния, в котором я находилась все последние дни. Когда живешь в ожидании неприятностей, то любая мелочь может вывести тебя из состояния равновесия. Хотя, появление за окном обезьяны в красном колпаке с косичками кого угодно напугает. Но не все бухаются в обморок. А я бухнулась, информация смешалась в голове и вылилась в сновидение.

Иновлоцкая оценила приятеля долгим изучающим взглядом и сказала.

- Пантелеймон, думаю, тебе не надо больше приходить ко мне.

- Если тебе не нужна помощь, то могу не приходить, - буркнул он.

- Мне нужна постоянная забота, внимание и... любовь мужчины, который ставит меня на первое место, а не в ряд с другими малознакомыми людьми.

Судя по испуганному лицу Соловейкина, на подобные жертвы он пойти не мог, а Евдокии этого и не нужно.

Робкий интерес к Плотникову, родившийся в состоянии беспамyтства, завладел ею.

Только она подумала о новом соседе, как он вырос на пороге.

Пантелеймон сразу исчез, Акулина подмигнула Дуське и тоже удалилась, напевая на ходу: - «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...»

- Валерий Кириллович, а мы с Вами раньше не встречались?

- Ну, наконец-то, Вы начали меня вспоминать, а то я уже забеспокоился о собственном рассудке.

- Так мы встречались? – настойчиво повторила девушка.

- Я учился в интернатуре на базе десятой городской больницы, а Вы проходили там практику.

О том, что в первый же день Иновлоцкая потеряла сознание, и интерн Плотников приводил ее в чувство, а после дежурства отвез домой, где они долго сидели на кухне и разговаривали, мужчина умолчал. Он утверждал, что со временем все изменится, но Дуська знала – ничего не изменится. Она так и будет падать в обморок при виде крови и трястись от испуга в сложной ситуации, вместо того, чтобы оказывать человеку помощь. В мединститут она поступила, чтобы вылечить сердечницу мать. Но мать умерла, когда дочь отучилась в меде лишь год.

Евдокия забрала документы и легко поступила в университет на факультет менеджмента и маркетинга. И теперь с дипломом о высшем образовании работает заурядным продавцом бытовой техники.

- Наверное, зря я Вас тогда не послушалась, - заметила она, наблюдая, как доктор измеряет ей артериальное давление.

- Никогда не надо жалеть о прошлом. Раз вы приняли в то время такое решение, значит, так было нужно... В давление совсем низкое – 90/50. Вы ложитесь, я вас укрою, напою сладким чаем с шоколадом, вы заснете и проснетесь совершенно другим человеком.

- Мне неудобно, у вас гости, а тут я...

- Гостям и без меня хорошо, их Милка развлекает.

- Бедное животное, - вздохнула Дуся, - столько времени просидело на карнизе в ожидании помощи.

Потом она пила вкусный чай с мятой вприкуску с темным шоколадом, слушала тихую речь соседа и была совершенно счастлива.

А завтра она проснется совершенно другим человеком, уверенным в себе, незапрограммированным на неудачи и неприятные сюрпризы. Уволиться с прежней работы и найдет себе более достойное место. И ей всего лишь нужно, чтобы рядом был

надежный мужчина - советчик и друг. А кем он станет в будущем, покажет время. И не надо его торопить, ведь впереди вся жизнь.

Январь 2013г.